

По своей сути принятие комплекса мер в заданном направлении должно опираться на знания психологии, поскольку процессы образования установки как осознанные, так и неосознанные протекают в сознании человека, а их отличительные особенности в усвоении зависят от личности, индивидуальности их носителя.

Даренский В.Ю.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС СТАНОВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Становление правовой культуры в современном посттрадиционном обществе связано с разрешением внутренних противоречий, являющихся результатом «наложения» друг на друга различных исторических типов права и правосознания. Эти феномены требуют специального исследования.

В частности, как отмечает В.В. Шкода, правосознанию западной цивилизации свойственно господство «этицистского взгляда на природу прав человека... В соответствии с ним, не существует никаких дополитических свобод, все права дает человеку государство и оно же лишает человека этих прав»; но именно «эти дополитические права и приобрели название естественных прав. Их считают неотчуждаемыми, которые должен гарантировать закон. Содержание слова «естественные» состоит в том, что эти права человеку не дает никакой политический институт, он получает их уже самим фактом своего рождения»¹. Тем самым, становится очевидным имманентное внутреннее противоречие, свойственное правовой идеологии западной цивилизации. Действительно, если некие права действительно «естественны», то они именно таковы в силу отсутствия необходимости в специальной «легитимации», и поэтому специальное «гарантирование» их законом, как бы автоматически устраняет их «естественность». С другой стороны, законодательство стран западной цивилизации идеологически основано именно на принципе «защиты прав человека», – и как раз потому, что последние считаются «естественными» и неотчуждаемыми. Но, с другой стороны, законодательные «гарантии» естественных прав устраняют их «естественность» по определению. Откуда же возник этот парадокс?

Дело в том, что он представляет собой исторически как своеобразный «реликт» конфликта-диалога двух принципиально различных пониманий природы права. Первое понимание, свойственное традиционным цивилизациям, основано на различии «обычного» права, обеспечивающего элементарные условия жизни человека (защита физического тела, собственности и морального достоинства), и права «сакрального», основанного на определенных религиозных верованиях и имеющего целью защиту святынь, и, в конечном счете, претендующего на защиту

¹ Шкода В.В. Вступ до правової філософії. Х.: Фоліо, 1997. С. 30-31.

авторитета самой Истины в онтологическом смысле слова. Поскольку цели «сакрального» права признаются несравненно более высокими, чем цели права «профанного», т.е. «обычного», то в случаях их конфликта, первое имеет, безусловно, решающий голос. Поэтому, например, в традиционном обществе такие преступления, как богохульство и святотатство обычно караются намного суровее, чем нарушения обычных «прав человека», поскольку в первом случае речь идет о более серьезных с точки зрения традиционного человека «преступлениях против Бога». Естественно, на этой почве возможны подлоги и злоупотребления, самым страшным примером которых является эпоха Инквизиции в Западной Европе. Однако ни о каком принципе нельзя судить по его извращениям.

Если в основе «обычного права» и естественных «прав человека» лежит принцип сохранения родовой жизни человеческого сообщества (что не исключает возможности казни отдельных особо провинившихся его членов), то в основе «сакрального» права лежат священные тексты. Правда, не все они в равной степени могут быть непосредственно положены в основу позитивного законодательства.

В наибольшей степени здесь «повезло» Корану, в значительной степени состоящему из конкретно-бытовых предписаний жизни мусульманина. Поэтому, как отмечают исследователи, «мусульманско-правовая доктрина считает, что высшей юридической силой обладают предписания Корана и сунны. Наряду с ними нормативной основой для решения дел судьями служили правила поведения, введенные в оборот сподвижниками Пророка, а затем – ведущими правоведами... по единодушному мнению (иджма)»¹. Тем самым, сохранялся принцип передачи сакрального содержания правовых норм. В христианской традиции сложилась намного более сложная, и даже парадоксальная, ситуация. В Ветхом Завете, в книгах Моисеевых был свод правил жизни того же типа, что и в Коране, но христиане никогда не считали его для себя обязательным, тем более что в самой Евангелии подобных правил вообще нет. Христианская цивилизация впервые четко разделила правила религиозной жизни и светское законодательство, почти целиком заимствовав последнее из римского права, кодифицированного православным императором Юстинианом в шестом веке одновременно со строительством храма св. Софии – главного храма христианской ойкумены. (Поэтому является большим предрассудком представление, будто бы традиции римского права свойственны лишь Западной Европе – они пришли туда из Византии не ранее 12-13 веков). Тем самым, здесь общий принцип различения двух иерархически соотнесенных типов права – «сакрального» и «профанного», «обычного» – доведен до своей наиболее очевидной и логически завершенной формы.

В посттрадиционной цивилизации, которая возникает на Западе с конца XVIII века и начинает экспансию по всему миру, формируется

¹ Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: Вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986. С. 89.

радикально иное понимание права, соответствующее новым мировоззренческим принципам антропоцентризма. Здесь, во-первых, вообще нет ни «обычного», ни «сакрального» права; во-вторых, принципиально изменился источник правотворчества и правового авторитета. Тем не менее, так же, как и в традиционном праве, для самолегитимации, т.е. для своего предельного обоснования, новое право требует заполнения вакансии «абсолютного законодателя», которую ранее «занимал» Бог, выражавший Свою волю в священных текстах. На идеологическом уровне теперь таким выступает «народ», но поскольку «народ» как таковой не может быть юридическим лицом, то по сути эту вакансию занимает некая фикция, требующая к себе квазирелигиозного доверия. Ж. Деррида описывает эту ситуацию на примере американской Декларации Независимости – весьма характерном памятнике перехода к посттрадиционному праву. «Юридически подписывающего не было до самого текста Декларации, которая сама остается творцом и гарантом собственной подписи. Посредством этого баснословного события, которое содержит в себе свою же печать и на самом деле возможно только в неадекватности самому себе настоящего времени, подпись дает себе имя. Она открывает себе кредит... устанавливает право, основывает право, дает право, производит на свет закон... Он основывает естественные законы и, стало быть, всю игру, стремящуюся представить перформативные высказывания как высказывания констативные»¹. Т.е. имеет место некое коллективное «самозванство», самополагание случайно собравшейся группы людей в качестве единственного авторитета и источника права.

Что это означает с точки зрения традиционного права? В первую очередь, тот факт, что произошло «огосударствление» уже не только «обычного», но и «сакрального» права. Отныне, во-первых, по сути, сакрализовано само государство как высший и единственный источник любой легитимации (в этот же момент возникает и само понятие последней). Во-вторых, сакрализованы естественные условия человеческой жизни (тело и имущество), которые и приобретают название «прав человека» и «священный» статус онтологической основы нового типа права.

В посттрадиционном и пострелигиозном обществе идеологема «прав человека» остается практически единственной общепринятой и общепонятной квазисакральной ценностью, по отношению к которой все остальные ценности (в том числе ценности традиционных религий) неизбежно оказываются в подчиненном положении и могут приобретать свою моральную и юридическую «легитимность» ровно в той мере, в какой им удастся изобразить себя скромными служителями «прав человека».

¹ Деррида Ж. Отобиографии // Ad marginem'93. Ежегодник Лаборатории постклассических исследований ИФ РАН. М.: Ad marginem, 1994. С. 179-180.

Исторически государство возникает позже права и с самого начала стремится к «огосударствлению» последнего, т.е. к монополии контроля правовых отношений в социуме. Все известные в истории общества и цивилизации проходили стадию жесткого конфликта «обычного», т.е. осуществляющегося без государственного контроля общинного и городского права, и права государственного, унифицированного на больших территориях и поддерживаемого не местной традицией, а вооруженной силой и авторитетом центральной власти. В определенные моменты таких конфликтов государство для самосохранения вынуждено было идти на радикальное подавление «обычных» правовых норм и моральных понятий, что получило идеологическое наименование «деспотизма». Свои наиболее острые формы «деспотизм», т.е. превалирование государственной необходимости над «обычным» правом и моралью приобретал в периоды революций и модернизаций обществ, в результате которых, как правило, погибала значительная часть населения. В качестве реакции на эти процессы возникла идеология правового государства. Тем самым произошел своеобразный «синтез» архаических представлений «обычного» права, имевшего главной целью защиту элементарных условий жизни, с правом государственным, что, в свою очередь, привело к определенному логическому парадоксу.

Разгадка парадокса, связанного с идеей «естественных и неотчуждаемых» прав человека, который был сформулирован выше, состоит в следующем. Акцентированная легитимация этих прав обусловлена в первую очередь не тем, что их может кто-то не признавать, а тем, что они отныне призваны вытеснить и заместить собой «сакральное» право, т.е. поставить себя на его место, как бы утверждая: «нет и не может быть ничего выше и «святей» элементарных условий земной жизни – тела и собственности; всё остальное – не более чем индивидуальное хобби и не должно мешать жизни других!» Тем самым, идеология современного «правового государства», помимо своих прагматических функций, фактически играет роль светской «религии» эгоцентрического индивида. А идеологема «прав человека», мало что добавляя в содержательном плане к архаическому «обычному» праву, явилась в первую очередь эффективнейшим «тараном» разрушения традиционного религиозного по своему происхождению правосознания, для которого существовало нечто более ценное, чем просто «естественные» права. Она представляет собою одну из характернейших форм «монологизма Нового времени» (М.М.Бахтин), в свое время радикально отказавшейся от какого-либо диалога с традиционным правосознанием, объявив последние «пережитками деспотизма».

Вместе с тем, есть все основания утверждать, описанный тип правовых отношений остается жизнеспособным едва ли не в первую очередь за счет «пережитков» традиционного правосознания и, уничтожая последние, «рубит сук, на котором сидит». Таковым «пережитком» является в первую очередь само отношение к праву как чему-то

«священному», т.е. отношение не на страх, а на совесть. Такое отношение было более чем естественным по отношению к «сакральному» праву и вполне естественным по отношению к праву «обычному», поскольку в обоих случаях оно опиралось на твердые и неизменные нравственные установки человека. Но современное право давно утратило непосредственную связь с какими-либо нравственными установками, превращаясь для индивида в чисто внешнюю силу (не говоря уже о размывании всяких нравственных принципов у большинства людей). По отношению к правовым документам, являющимся по своей сути результатом ситуативных компромиссов представителей элитных групп, которые в любой момент могут быть изменены даже на прямо противоположные, такого отношения возникать в принципе не может, сколько бы ни старались его внушить идеологи «правового государства». Не стоит обольщаться на этот счет, когда современный человек говорит: «Я свято уважаю закон, не важно, хороший он или плохой», – ибо на самом деле такое отношение, как правило, основано на циничном прагматизме, а вовсе не на уважении к праву как таковому.

Это, в свою очередь, означает, что без продуктивного диалога с традиционными правовыми системами и без рецепции тех их элементов, которые обеспечивают не силовой и прагматический, а нравственный авторитет права и законодательства, развитие современного правосознания (особенно в кризисных обществах) окажется невозможным.

Аторва М.В.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ОБЩЕЙ КУЛЬТУРЫ

Важнейшим признаком правового государства, обязательным условием его построения является высокий уровень правовой культуры населения, профессиональной культуры правоохранителей и других должностных лиц. Итак, что такое правовая культура?

Правовая культура представляет собой разновидность общей культуры, состоящей из духовных и материальных ценностей, относящихся к правовой действительности. При этом правовая культура включает лишь то, что есть в правовых явлениях относительно прогрессивного, социально полезного и ценного. Она не только результат, но и способ деятельности, и в этом смысле духовная правовая культура понимается как образ мышления, нормы и стандарты поведения¹.

Как и правосознание, правовая культура подразделяется на правовую культуру общества, группы (коллектива) и индивидуальную правовую культуру (личности). Высший уровень правовой культуры индивида – это правовая активность. Она проявляется, во-первых, в готовности личности к активным сознательным, творческим действиям как в сфере

¹ Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2006. С.268-269.